

Всесоюзные конференции историков-славистов (1962–1990) (к 85-летию кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова)

©2025 г. З.С. Ненашева

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва, Российская Федерация)

bonner2@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается история научных межвузовских совещаний историков-славистов Советского Союза. Ведущую роль в их организации сыграли кафедра истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и Институт славяноведения (в 1968–1997 гг. — Институт славяноведения и балканистики) АН СССР. На протяжении 1962–1990 гг. состоялось 12 конференций, принявших поистине всесоюзный масштаб. Их главной целью было обсуждение проблем модернизации преподавания истории южных и западных славян в высших учебных заведениях, координации славистических исследований, особенно по новейшей истории, включая учреждения гуманитарной сферы в стране. Проведение столь крупных научных мероприятий способствовало расширению географии изучения истории славянских народов в высших учебных заведениях, развитию всех направлений отечественной славистики в Советском Союзе.

Ключевые слова: славистика, Координационная комиссия по истории зарубежных славян, преподавание истории славянских народов, Минвуз СССР, МГУ имени М.В. Ломоносова, Институт славяноведения и балканистики АН СССР.

Ссылка для цитирования: Ненашева З.С. Всесоюзные конференции историков-славистов (1962–1990) (к 85-летию кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова) // *Славяноведение*. 2025. № 1. С. 118–134. DOI: 10.31857/S0869544X25010103, EDN: IZUITB

All-Union Conferences of Historians-Slavonic Scholars (1962–1990)
(To the 85th Anniversary of the Department of the History of Southern
and Western Slavs of the Faculty of History of the Lomonosov
Moscow State University)

©2025. Zoya S. Nenashева

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)

bonner2@yandex.ru

Abstract. The article deals with the history of the intercollegiate scientific conferences of historians-Slavonic scholars of the Soviet Union. The main role in their organization played the Department of Southern and Western Slavs of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University and the Institute of Slavic Studies (from 1968 – Institute of Slavic and Balkan Studies) of Academy of Sciences of the Soviet Union. Over the period of 1962–1990, 12 conferences took place that assumed a really all-union scale. Their main object were the problems of modernization of the teaching of history of Southern and Western Slavs in higher educational establishments, coordination of the Slavic studies, especially in the contemporary history, including institutions of humanitarian sphere in the country. Carrying out of such important scientific events contributed to the enlargement of the geography of the study of history of Slavic peoples in higher educational establishments, the development of all directions of the Slavic studies in the Soviet Union.

Keywords: Slavic studies, Coordinating commission on the history of foreign Slavs, teaching of the history of Slavic peoples, Ministry of Higher and Secondary Vocational Education of the USSR, Lomonosov Moscow State University, Institute of Slavic and Balkan Studies of Academy of Sciences of the Soviet Union.

For citation: Zoya S. Nenasheva. All-Union Conferences of Historians-Slavonic Scholars (1962–1990) (To the 85th Anniversary of the Department of the History of Southern and Western Slavs of the Faculty of History of the Lomonosov Moscow State University) // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2025. No. 1. P. 118–134. DOI: 10.31857/S0869544X25010103, EDN: IZUITB

Организация научных межвузовских конференций историков-славистов СССР занимала особое место в деятельности и жизни кафедры истории южных и западных славян (ИЮЗС) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Безусловно, это особая страница и в развитии отечественного славяноведения. Эти форумы состоялись в 60–90-е годы XX в., и их было 12. I Общесоюзная конференция историков-славистов прошла 6–10 февраля 1962 г. в Москве; II – 22–25 октября 1963 г. в Киеве; III – 1–5 февраля 1966 г. в Воронеже; IV – 31 января – 3 февраля 1968 г. в Минске; V – 3–6 февраля 1970 г. в Харькове; VI – 1–4 октября 1973 г. во Львове; VII – 24–27 июня 1975 г. в Черновцах; VIII – 1–4 февраля 1978 г. в Донецке; IX – 21–23 сентября 1982 г. в Ужгороде; X – 30 января – 1 февраля 1985 г. в Харькове; XI – 27–29 января 1988 г. в Минске; XII – 25–27 января 1990 г. в Москве. Следовательно, первая и последняя встреча славистов Советского Союза состоялись на базе МГУ им. М.В. Ломоносова.

История их проведения имеет свое начало. Импульсом стало всесоюзное совещание на базе Института славяноведения АН СССР, состоявшееся в январе 1961 г. Оно было посвящено вопросам координации славистических исследований в стране. На нем присутствовали представители 19 университетов (всего в СССР в это время их было 38) и нескольких педагогических институтов. По горячим следам преподаватели истории южных и западных славян шести университетов (Московского, Ленинградского, Воронежского, Львовского, Саратовского, Ужгородского) собрались, чтобы обсудить место курса истории южных и западных славян в университетском образовании и план написания нового университетского учебника по этой дисциплине [Ненашева 2022, 117–140]. Однако разговор вышел за рамки этого сюжета, затронул общее не простое положение славистики в вузах страны. С.М. Стецкевич (Ленинград) призвал «спасать славянство» ввиду очевидной тенденции к свертыванию

этой специализации. Он был поддержан А.И. Озолиным (Саратов), предложившим провести «глубоко подготовленное совещание». С этой целью был сформирован оргкомитет под председательством С.А. Никитина [Ненашева 2023, 320–341].

В этом контексте следует напомнить, что в начале 1960-х годов сохраняла актуальность идея замены славяноведения историей стран социалистического содружества («народной демократии»). Для торпедирования этого замысла «политических пионеров от науки» новый заведующий кафедрой ИЮЗС И.А. Воронков (1961–1973) использовал свой административный талант. В результате, при поддержке С.А. Никитина ему удалось сплотить вокруг себя университетских славистов. Они и стали главными участниками первых трех все-союзных совещаний. Официально цель их проведения была достаточно прагматичной: как перейти к проблемному чтению общего курса истории южных и западных славян. Однако инициаторы московской встречи 1961 г. мыслили более широко. Они думали об усилении интереса к славистическим историческим исследованиям, сплочении рядов славяноведов «во имя общего для всех дела — развития советской исторической науки».

8 июня 1961 г. появился черновой вариант программы запланированной конференции, а уже 28 июля был издан приказ Министерства высшего и среднего специального образования СССР (Минвуз СССР) о проведении в Москве совещания историков-славистов университетов 6–10 февраля 1962 г. В нем участвовали 112 человек, только иногородних преподавателей истории южных и западных славян приехали 36 человек из 23 университетов, четырех пединститутов¹. Кроме того, были и некоторые сотрудники Института славяноведения АН СССР, НИИ педагогики УССР, Государственной библиотеки имени В.И. Ленина, Главной редакции вещания на социалистические страны, и гость из Варшавского университета. Все они в разной степени соприкасались со славистикой.

Уникальность этого совещания состояла и в том, что исключительное значение придавалось прениям, а не самим докладам. На четыре полных дня работы запланировали всего 11 докладов, главным из которых в первый день форума было выступление И.М. Белявской на тему «Содержание и характер общего курса истории южных и западных славян и вопросы специализации по истории зарубежных славянских народов на исторических факультетах университетов». По сути, это была попытка не только отстоять этот предмет в высших учебных заведениях, но и придать ему новое содержание. Кафедра выступала против растворения курса истории славянских народов в рамках преподавания всеобщей истории, возражала против любых вариантов замены этой специализации, в том числе и против появления новой дисциплины — История стран Центральной и Юго-Восточной Европы, или же История европейских стран народной демократии. Второй день целиком был посвящен рассмотрению вопросов, поставленных С.А. Никитиным в докладе «О подготовке второго издания учебника “История западных и южных славян”». Его дополнило сообщение Н.И. Кравцова (старший научный сотрудник Института славяноведения АН СССР), настаивавшего на включении в учебник специальных разделов по истории культуры. На третий день обсуждали доклад, подготовленный «пятеркой» преподавателей кафедры: И.М. Белявской, И.Н. Частухиным,

¹ АК ИЮЗС. Ф. Х. Научная конференция историков-славистов. 6–10 февраля 1962 г. Москва. Особый интерес представляют папки со стенограммами заседаний, прежде всего, второй отредактированный и авторизованный всеми выступавшими экземпляр.

В.Г. Карасевым, Б.М. Руколь, И.Д. Очаком «Узловые проблемы новейшей истории зарубежных славян в освещении современной славянской историографии». В нем была предложена периодизация развития исторической науки после 1945 г., основой которой стали, «главным образом методологические соображения». Период 1956–1961 гг. характеризовался «созданием благоприятнейших условий для творческого развития исторической науки». Содоклады по отдельным проблемам были подготовлены В.В. Марьиной, И.В. Ганевич, И.М. Теодоровичем, В.Н. Белановским. Обобщающий характер носило выступление Л.Б. Валева «Узловые проблемы социалистического строительства в славянских странах в советской историографии». На тот момент он, являясь старшим научным сотрудником Института славяноведения АН СССР, активно сотрудничал с кафедрой, руководил аспирантами, принимал участие в написании учебного пособия по историографии [Валев 1968, 392–400].

Основным докладчиком в четвертый день совещания был И.А. Воронков, отметивший, что слабость координации приносит вред развитию славяноведения, что влечет за собой диспропорцию в изучении отдельных стран.

Заключительный день конференции посвятили подведению итогов и обсуждению «Постановления». Принятое в ходе острых дискуссий и согласования отдельных формулировок, оно имело важное значение для развития всей отечественной славистики. Речь шла недостаточном количестве в университетах страны историков-славистов. Реальная картина на тот момент удручала. В частности, в вузах насчитывалось всего «50 доцентов и преподавателей, занимающихся в научном плане историей зарубежных славян»², причем больше половины из них работали в Москве, Ленинграде и на Украине. Кроме того, «еще примерно 15 человек только читали» общий курс. Показательным примером отсутствия квалифицированных кадров послужила ситуация в Вильнюсском университете, где не было «даже полониста», а также плачевное состояние вузовской югославистики³.

Совещание выявило объективные причины обеспокоенности за университетское славяноведение. Об этом свидетельствовал ряд фактов: во-первых, слабое присутствие преподавания истории славян на исторических факультетах; во-вторых, если не полная, то реально ограниченная возможность специализации студентов по этому направлению; в-третьих, крайне неблагоприятные условия для научной работы преподавательского сообщества из-за чрезмерной загруженности.

Большинство участников поддержало предложение создать при МГУ центр, который бы координировал исследовательскую деятельность историков-славистов высшей школы, нацеливал их на разработку актуальной проблематики, давал Минвузу СССР рекомендации по вопросам подготовки специалистов по этому профилю и т.д. Такой структурой стала Координационная комиссия (КК) с широкими полномочиями, в состав которой вошли представители

² См.: Воронков И.А. «О повышении квалификации историков-славистов, работающих в ВУЗах». АК ИЮЗС. Ф. 10. Москва. Папка № 8. День 4-й. С. 15–24. Следует уточнить, что большинство из них — свыше 50 человек — присутствовали на совещании.

³ Из полонистов, которых было больше всего в университетах страны — 21 человек, семеро преподавали во Львове, остальные в Киеве, Ленинграде и Москве. Историей Чехословакии занимались десять человек, и они были «разбросаны по всей стране». Специализацию по истории Болгарии вели 14 преподавателей, из них большинство работали в Сибири, Средней Азии, на Кавказе, в Поволжье и на Урале. На тот момент в вузах страны всего пять человек занимались в научном плане историей Югославии, причем трое из них были сотрудниками кафедры ИЮЗС исторического факультета МГУ.

ведущих университетов страны и двух академических институтов⁴. Таким образом, в кратчайшие сроки была сформирована структура, которая оказалась весьма устойчивой и плодотворно действовавшей вплоть до 1990 г. Особенно полезным было ее вхождение, так сказать, «под министерскую крышу», в состав Секции истории Научно-технического совета Минвуза СССР. В ней И.А. Воронков стал «председателем Комиссии по истории зарубежных славян», а В.Г. Карасев — ее ответственным секретарем. Самое непосредственное отношение к работе комиссии имела инициатор ее создания И.М. Белявская, не занявшая никаких постов.

Участники московского совещания сочли, что целесообразно регулярно созывать подобные форумы на базе ведущих университетов страны. В этой связи весьма заманчивой стала идея провести вторую конференцию историков-славистов в Киеве уже на следующий год. Для ее организации следовало создать оргкомитет, что оказалось не простым делом. Для того, чтобы удовлетворить амбиции непосредственных организаторов на местах было принято компромиссное решение об их вхождении в состав КК⁵.

Большой интерес представляет обсуждение повестки дня форума в Киеве, поскольку в ходе его были выявлены многие болевые точки отечественного славяноведения. Инициативу взял в свои руки А.И. Озолин⁶. А.И. Озолин, являясь медиевистом, предложил в рамках рассмотрения актуальных проблем славяноведения подготовить основной доклад по теме «О характере и развитии народно-демократической революции в странах народной демократии». По его мнению, это выступление имело бы серьезное практическое значение, учитывая, что «ряд сотрудников провинциальных вузов не обладали специальной подготовкой по новейшему периоду», а преподавали историю славян «от Ноевого потока до наших дней». В связи с предложением включить современный период в общий курс заговорили об Институте славяноведения АН СССР как естественном партнере в научной сфере. Оргкомитет обратил внимание на появление в институте специальной группы исследователей по изучению истории рабочего движения и деятельности коммунистических партий. В этом контексте логичным было просить членов группы подготовить доклад на тему «Стратегия и тактика рабочих партий в связи со Второй мировой войной». Сначала «голос из президиума», а затем Н.И. Кравцов вновь стал настаивать на необходимости более глубокого изучения исторических и культурных связей народов СССР с зарубежными славянами. Таким образом количество рекомендованных направлений для обсуждения в Киеве выросло до восьми [Ненашева 2023, 320–341].

Крайне важным для развития отечественного славяноведения оказалось предложение организовать выпуск специального печатного органа, в котором бы освещалась история славян и современные процессы в странах социализма. Так, на совещании в Москве речь шла об издании ротапринтным способом информационного бюллетеня, вокруг которого объединились бы

⁴ Согласно приказу № 239 от 19 июня 1962 г. по Минвузу СССР республиканское Министерство обязывало МГУ организовать КК по истории зарубежных славян при кафедре ИЮЗС. В приказе ректора И.Г. Петровского (№540-гф от 10 июля) был перечислен ее состав: Воронков И.А., Белявская И.М., Карасев В.Г., Белановский В.Н., Жебокрицкий В.А., Москаленко А.Е., Похилевич Д.Л., Никитин С.А., Костюшко И.И., Писарев Ю.А. См.: АК ИЮЗС. Ф. 10. Материалы КК по истории зарубежных славян. С. 1, 2. Копии.

⁵ АК ИЮЗС. Ф. 10. Москва. День 5-й. Папка № 9. С. 17–18. «Постановление» совещания. С. 5.

⁶ Интересно отметить, что в доме отца А.И. Озолина — И.И. Озолина, начальника станции Астапово — нашел последний приют Лев Николаевич Толстой.

историки-слависты страны. Обсуждение этого предложения продолжилось и в Киеве. Формирование содержания и публикацию бюллетеня выступавшие в прениях охотно передавали кафедре ИЮЗС. В какой-то момент И.А. Воронков и И.М. Белявская согласились с этим проектом. Перспектива появления специального журнала как органа Института славяноведения АН СССР и Минвуза СССР (гриф МГУ не обсуждался и не появился) казалась туманной, поскольку его учреждение требовало согласования в высоких инстанциях и колоссальных усилий со стороны издателей, но не безнадежной. Настоячивость инициаторов дала результат. 13 ноября 1964 г. Президиум АН СССР издал постановление за № 352 о составе редакционной коллегии журнала «Советское славяноведение» согласно представлению Секции общественных наук академии⁷. В этом документе за подписью президента АН СССР, академика М.В. Келдыша был назван лишь один представитель вузовской славистики, В.Г. Карасев⁸.

Дальнейшая история конференций не была линейной, лишь на первый взгляд они были похожи. Во-первых, очень сложной оказалась их организация. В ряде случаев заявленный принцип «1 раз в 2 года» инициаторы не смогли выполнить по вполне объективным причинам. Так, в случае с задуманным на 1963 г. совещанием на базе Киевского университета, была принята во внимание подготовка Всемирного конгресса славистов в Софии как важного стимула для развития славяноведения во всем мире. Хотя о каких-либо амбициях большинства участников совещания заявить о себе в болгарской столице говорить не приходится, тем не менее, в составе делегации историков СССР впервые оказались и знакомые, а точнее знаковые имена в советской славистике⁹. Думается, что участие во всесоюзных конференциях при одобрении их заявки партийным руководством от науки послужило дополнительным аргументом.

Следует признать, что в ходе II совещания в Киеве и III — в Воронеже был выработан определенный алгоритм их проведения. Они проходили под грифом Минвуза СССР, министерств высшего и среднего специального образования союзных республик и региональных университетов, непосредственных организаторов. У каждого из последних на протяжении почти 30 лет были основания заявлять о своем «горьком опыте». Менялись, порой в последний момент, даты проведения конференций, приходилось искать возможности дополнительного финансирования, с трудом решался вопрос размещения гостей, точное число которых не удавалось определить заранее и т.п.¹⁰

Обстоятельством непреодолимой силы была анархия, свойственная, как оказалось, и крупным ученым и начинающим славистам. Несмотря на просьбы КК и оргкомитетов представлять доклады по темам, уже предложенным и

⁷ АК ИЮЗС. Ф. В.Г. Карасев. Папка 18. Историческая секция Научно-технического совета Министерства образования СССР. Файл 23.

⁸ В Постановлении Президиума АН СССР от 2 ноября 1968 г. в обновленном составе из 14 членов редколлегии университетских славистов по-прежнему представлял профессор В.Г. Карасев, защитивший докторскую диссертацию. См.: АК ИЮЗС. Ф. В.Г. Карасев. Папка 18. Файл 23.24.

⁹ На пятом Всемирном конгрессе славистов в Софии (17–23 сентября 1963) впервые официально присутствовали отечественные историки. Причем в историко-филологической секции было заслушано 50 докладов и сообщений. Из семи докладов отечественных славистов к трем имели непосредственное отношение участники всесоюзных конференций. См.: АК ИЮЗС. Ф. 10. Киев. Папка № 2. Пленарное заседание 22–23 октября 1963 г. С. 4–8.

¹⁰ Так, предварительный план конференции разрабатывался задолго ее созыва. КК выходила с предложением в Минвуз СССР одновременно с передачей отчета о только что состоявшемся совещании. Например, приказ о конференции в Воронеже в феврале 1966 г. был издан за № 102 24 марта 1964 г.

одобренным на всех уровнях, они так и не были услышаны. Так, в полученных заявках на совещание в Киев, по словам Жебокрицкого, «оказалась такая страшная пестрота, что трудно себе представить». К сожалению, программы всех 11 (за исключением первого) форумов пришлось форматировать, учитывая этот неприятный факт. Парадоксальность ситуации состояла в том, что организаторы конференций из раза в раз оказывались под огнем критики ее участников за «мелкотемье». Эту «болезнь» масштабных, особенно междисциплинарных форумов, так и не удалось преодолеть за многие годы, практически вплоть до сегодняшнего дня¹¹.

КК приложила колоссальные усилия и для того, чтобы подготовить «сводную проблематику, над которой в последние годы работали историки-слависты вузов». Она показала стихийность в выборе тем, дублирование и параллелизм, особенно по истории Болгарии¹². Однако разработанный комиссией перспективный план научной и научно-методической работы на 1963–1970 гг., ориентированный на исследование процессов формирования мировой социалистической системы, также не дал знаковых результатов. Несколько лучше складывалась ситуация с «рекомендательным списком» проблематики для подготовки диссертационных и монографических работ¹³.

В ходе подготовки первых трех конференций встал вопрос о привлечении сотрудников академий наук, институтов гуманитарной сферы. Участники, особенно представители республиканских университетов, обвиняли КК в концентрации внимания на славистах, читавших общий курс. Это привело к тому, что из сферы ее интересов якобы выпали исследования по другим направлениям общественных наук, например, по истории КПСС, хотя некоторые из них касались славянской проблематики. Однако расширение этого пространства на академические институты, организации, так или иначе связанные со славянскими странами, имело и негативные последствия даже в решении таких простых вопросов как выбор времени проведения совещаний, структурирование их программ и т.п. В целом управлять процессом организации конференций из Москвы становилось все сложнее.

В этом контексте следует признать, что довольно своеобразно складывались отношения с сотрудниками Академии наук, не только с Институтом славяноведения АН СССР, но и республиканских академий. Было очевидно, что нельзя обойтись без ученых из научно-исследовательских институтов, «академиков», как называл их весьма язвительный на язык А.Е. Москаленко. Проблема состояла в том, что и вузовские слависты, и «академики» отличались «своими интересами». Их взгляды расходились даже в том, в каком формате проводить конференции. Работники высшей школы отдавали предпочтение пленарным заседаниям, но их объективно не могло быть много. Академические ученые хотели заявить о своих темах и результатах научной работы. Они их преподносили как исключительно актуальные и оригинальные. В этом был смысл их профессионального выбора и труда. В результате КК оказалась

¹¹ Это наблюдение можно отнести и к прошедшему в 2023 г. III Всероссийскому совещанию славистов, программа которого опубликована на 75 страницах. См.: Институт славяноведения Российской академии наук. III Всероссийское совещание славистов. Москва 24–26 октября 2023 г. Справочное издание.

¹² Из 49 тем по истории славян 27 приходилось на период феодализма, 33 на историю XIX в. и только 16 на послевоенный период (две работы по истории Польши и 11 по истории Болгарии).

¹³ Сотрудники региональных университетов и пединститутов стали рассматривать КК как институцию, способную оказать им реальную помощь. См. письмо Н. Сафроновой с просьбой включить в план тему «Культура Болгарии в 1918–1959 гг.».

в сложном положении, но все-таки пошла навстречу пожеланиям «академиков». Было принято решение о совмещении двух видов заседаний — пленарных и секционных. Так и случилось, эта форма работы оказалась наиболее продуктивной особенно для обсуждения научных проблем. При этом преподавательское сообщество потеряло многое от первоначального замысла: вузовские трудности оказались вторичными, размытыми «высокой наукой» академической среды, что было для нее вполне естественно. Работа секций ограничивала для сотрудников университетов возможность подпитки актуальной информацией по смежной проблематике, другим эпохам, историографии¹⁴.

Менялись времена, атмосфера в стране, но на пленарных докладах на всех конференциях господствовал идеологический фактор. Слова «правдиво», «абсолютно объективно» исследовать и излагать историю славянских народов с марксистско-ленинской точки зрения, не носили дежурный характер в начале 1960-х годов. Только так можно было «правильно смотреть в будущее», вычленив из исторического контекста предмет фальсификаций и «искажений реакционной буржуазной историографии»¹⁵. Не надо думать, что это были общие формулировки, некий формальный поклон в сторону соответствующих партийных структур.

Самый яркий случай, можно сказать кричащий по своему резонансу, произошел в ходе совещания в Киеве. Один из коллег обвинил его участников в отсутствии политической зрелости, а оргкомитет — в недостаточности должного идеологического сопровождения форума. С такими претензиями выступил сотрудник кафедры научного коммунизма Харьковского сельскохозяйственного института В.Я. Куплевахский. По его убеждению, в докладах И.М. Белявской и И.А. Воронкова оказалось мало ссылок на только что прошедший июньский Пленум ЦК КПСС по идеологическим вопросам. «В выступлениях товарищей, которые открывали совещание, — заявил он — нужно было показать, что борьба ведется между двумя мирами и что из области политической переносится в область идеологическую». Под прямой удар попал доцент Ленинградского университета В.Н. Белановский с докладом «Болгария и Чехословакия на новом этапе строительства социализма». Оказывается, ему «следовало остановиться на положении в Китае», на борьбе «с группой китайских раскольников, которые встали на путь предательства в вопросах строительства коммунизма». Исходя из того, что «национальный вопрос — не праздный вопрос для славянских народов», задача славистов, настаивал В.Я. Куплевахский, состояла в том, чтобы окончательно была «развенчана теория и практика творцов Версальской системы», а также Лиги Наций. В условиях перманентной борьбы «с враждебной идеологией империализма», миссия исторической науки в СССР, в том числе славяноведения, состояла в том, чтобы «активно участвовать в деле формирования человека коммунистического общества», противостоять идеологическим диверсиям против социалистических стран¹⁶.

Учитывая время, в которое проходила конференция в Киеве, подобные обвинения не были безобидными высказываниями конкретного ученого. Большинство участников, руководствуясь чувством коллективной ответственности, было вынуждено в самых разных ракурсах опровергать его нападки. В этой связи показательна позиция С.А. Никитина, который в стенограмме своего

¹⁴ АК ИЮЗС. Ф. 10. Киев. Папка № 4. Стенограмма заседания секции по Новой и Новейшей истории 24 октября 1963 г. С. 9.

¹⁵ АК ИЮЗС. Ф. 10. Киев. Папка № 2. Заседание 22–23 октября 1963 г. С. 2–3, 9–14.

¹⁶ Там же. С. 53.1–55.2.

выступления поверх машинописного текста вписал, что «после XXII съезда партии учебник, не отражающий строительство социализма в странах народной демократии, не имеет права на существование»¹⁷. Несмотря на его слова о признании «особого предназначения исторической науки», организаторы совещания и практически все ораторы начали «спасать положение». А.Я. Манусевич (в 1961–1962 г. он прочитал на кафедре спецкурс «Социально-экономическое развитие народной Польши») как модератор секции Новой и новейшей истории заявил, что все присутствующие участники совещания «вооружены знаниями материалов июньского Пленума ЦК КПСС», независимо от того была ли ссылка на них в выступлениях, поскольку все «они пронизаны единым наступательным духом».

Разумеется, попытку вразумить «идеологически озабоченного коллегу» предприняли и члены КК. На важности глубокого научного подхода акцентировал внимание В.Г. Карасев. Причем его выступление было, по сути, чисто академическим. По его мнению, только «критический анализ больших тем и проблем» мог показать, в каком направлении развивается их изучение и, поэтому он более значим, чем формальное цитирование партийных инструкций¹⁸. В завершающем конференцию выступлении И.А. Воронков в довольно жесткой форме заявил, что «историки-слависты идут в ногу со временем», руководствуются в своей работе решениями XX и XXII съездов партии, Пленума по идеологическим вопросам, Всесоюзного совещания историков в Москве. Главный его наказ состоял в том, что «дело не в цитировании», а «в претворении в жизнь тех указаний, которые были сделаны» партийными органами¹⁹.

Поскольку «идеологический меч» висел над организаторами вплоть до конца 80-х годов, выход из этой ситуации был найден в предварительном определении тематики основных докладов. Большинство из них приурочивались к круглым датам, благо в истории славянских народов их великое множество. Так, в Минске в 1968 г. конференция проходила 27–29 января, т.е. в самом начале событий Пражской весны Чехословакии. Тем не менее организаторы конференции для того, чтобы обеспечить поддержку во всех инстанциях посчитали необходимым проводить ее в свете Постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве». В обосновании предлагалось не только сосредоточить усилия на воспитании подрастающего поколения в коммунистическом духе, но и в программе предстоящего форума сделать акцент на историческую роль В.И. Ленина, достойно отметить 100-летие со дня его рождения, показать влияние идей ленинизма на развитие революционного движения в славянских странах и т.п. Причем, вся идеологически актуализированная проблематика выносилась на пленарное заседание.

Следует заметить, что с 1973 г. идеологическим форпостом в исторической славистике стал Институт славяноведения и балканистики АН СССР. В это же время получила продолжение тема сотрудничества с «академиками». Она

¹⁷ Таким образом, эта дискуссия на совещании привела к завершению спора о верхней границе нового учебника. Обсуждались две даты: 1950 г. или 1960 г.

¹⁸ Опасаясь немилости местных партийных структур, С.И. Сидельников подчеркнул, что «харьковчане не согласны» с точкой зрения Куплевацкого, а «вопросы правильной идеологической постановки» той или иной проблемы заключаются во «внутреннем духе самой работы». См.: АК ИЮЗС. Ф. 10. Киев. Папка № 4. Заседание 24 октября 1963 г. С. 3–5.

¹⁹ На совещании в Киеве «правильные» разъяснения о классовой сути последних политических процессов, проходивших в Чехословакии в это время, дал А.И. Недорезов (с 1953 по 1960 г. читал часть курса истории Чехословакии, руководил дипломниками и аспирантами).

поднималась несколько раз в разных ракурсах. Еще на совещании в Киеве предлагалось сосредоточить координацию славистических исследований или на кафедре ИЮЗС, или в этом Институте. И.А. Воронков, понимая всю сложность положения, попытался найти из него приемлемый выход. Он напомнил, что при подготовке совещания в 1962 г. Институт не проявил к нему ни особого интереса, ни должной инициативы в этом направлении. На запрос кафедры он ограничился перечислением тем работ своих сотрудников и аспирантов. Иван Александрович был готов передать всю организационную работу Институту, поскольку кафедра «легче бы вздохнула». Но при этом «много бы потеряли вузовские работники». Он полагал, что учебно-методические проблемы «не интересуют и никогда не будут интересовать» сотрудников научно-исследовательских институтов. Выход один — смелее и шире устанавливать контакты с академическими институтами²⁰. С его точки зрения, было бы полезно, чтобы они разрабатывали крупные проекты, а вузовские ученые «с удовольствием стали бы принимать в этой работе участие».

Именно такими благими намерениями руководствовался оргкомитет III Воронежской конференции (1966), когда обратился с просьбой в Минвуз СССР «разрешить провести очередную 4-ю межвузовскую научную конференцию историков-славистов совместно с Институтом славяноведения АН СССР». В результате впервые это учреждение было обозначено отдельной строкой как организатор в программе совещания, состоявшегося 27–29 января в 1968 г. в Белорусском государственном университете имени В.И. Ленина в Минске. Что касается КК, то остается не ясно, кто решал вопрос об изменении ее статуса. Тем не менее ее состав явно «размывался», если иметь в виду преподавательское сообщество, и разрастался за счет сотрудников Института славяноведения и балканистики АН СССР и республиканских академий. Следует признать, что с 1973 г., с VI конференции во Львове, стали происходить заметные изменения в составе оргкомитета. Постепенно КК утрачивала свое бывшее определяющее значение. На этот раз в оргкомитет вошли восемь представителей Львовского университета.

Явно были ослаблены позиции кафедры ИЮЗС и в отношении сохранения «чистого славяноведения» как специализации. Об этом свидетельствует одна из тем докладов на пленарном заседании: «Основные методологические и методические принципы построения курса истории славянских и балканских социалистических стран». С ним выступили представители Ленинградского университета Э.И. Легуров, С.М. Стецкевич, В.А. Якубский. Таким образом, трансформация не просто в сторону балканского компонента в славистике, а в направлении народов, вступивших на путь социализма, нашла прямое подтверждение не только в академической науке, но и в высшей школе. Кстати, это концепция легла в основу созданной в 2002 г. в Санкт-Петербургском университете кафедры истории славянских и балканских народов.

Особая ситуация складывалась с количеством участников конференций. Их число росло стремительно от одного совещания к другому. Этот факт первоначально вызывал восторженные чувства организаторов. Так, на III встречу славистов (Воронеж, 1966 г.) приехало 86 человек из 35 городов Советского Союза, в том числе 27 человек из Москвы. По словам А.Е. Москаленко, председателя оргкомитета, «такого представительного съезда еще не было». Принимающая

²⁰ На этом этапе проблема сотрудничества была крайне сложной и на региональном уровне. В частности, в КК не включили представителей Института истории в Киеве. См.: АК ИЮЗС. Ф. 10. Киев. Папка № 1. Заседание 25 октября 1963 г. С. 7.3–13.1.

сторона отметила, что ей «особенно приятно» присутствие 14 человек из «общесоюзного центра — Института славяноведения». В их числе были крупные, признанные в современном славяноведении имена: С.А. Никитин, Л.Б. Вальев, А.Я. Манусевич, И.И. Костюшко и др. Примечательно, что по-прежнему это были ученые, задействованные в учебном процессе, или являвшиеся консультантами кафедральных аспирантов. На совещании в полном составе присутствовала кафедра ИЮЗС исторического факультета МГУ. Как подчеркнул в приветственном слове А.Е. Москаленко, она на тот момент была «действительным центром объединения» славистов вузов Советского Союза. Другую многочисленную делегацию составили ученые из Киева в составе семи человек.

В работе IV конференции в Минске в 1968 г. участвовало 200 историков-славистов из 46 городов страны. Новизна в ее организации состояла в том, что оргкомитету удалось привлечь ученых из Болгарии, ГДР и Югославии. Было заслушано 135 докладов и сообщений, в том числе на пленарном заседании И.А. Хренов проинформировал «О работе Института славяноведения АН СССР», а И.И. Костюшко — «О работе журнала “Советское славяноведение”». Участники дискуссии высказали претензии к журналу, в частности в том, что лишь узкий круг преподавателей может в нем публиковаться.

V совещание в Харькове в 1970 г. проходило четыре дня с участием 185 человек из 50 городов Советского Союза, а также ученых из Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии. Оно было посвящено столетию со дня рождения В.И. Ленина. При подготовке программы рекомендовалось сделать акцент на воплощении его идей в строительстве социализма.

Очевидный рост интереса к встречам славистического сообщества продолжался. Во Львов на VI конференцию прибыли 210 историков-славистов из 58 высших учебных заведений и научных учреждений. Им надлежало обсудить «Актуальные проблемы истории славянских народов в советской и зарубежной историографии». Работало восемь секций с подсекциями. Столь представительный форум свидетельствовал об очевидных достижениях этого направления в общественных науках, что позволило в «Постановлении» совещания обосновать просьбу, адресованную в инстанции, ввести специализацию по славянам во Львове и сохранить ее в Ленинграде.

VII конференция была проведена в 1975 г. в Черновцах с участием 211 историков-славистов из 74 высших учебных заведений и научных учреждений из 50 городов, присутствовал один зарубежный гость. В выборе основной проблематики не было никаких сомнений. Стране предстояло отметить 30-летие победы над фашизмом и установления народно-демократического строя в странах содружества. Специалистам по межвоенному периоду надлежало показать значение VII конгресса Коминтерна, а ученым, занимавшимся историей славянских народов в последней трети XIX — начала XX в., остановиться на политических последствиях национально-освободительного восстания в Боснии и Герцеговине и первой русской революции. В этом ключе были структурированы секции на совещании.

Очевидно, что рост числа желающих участвовать в конференциях породил сложные организационные проблемы. Нужна была поддержка со стороны республиканских, областных, городских и университетских властей. Ведь в абсолютном большинстве высших учебных заведений не было славистических кафедр. Зачастую за согласием провести совещание стоял авторитет отдельных ученых. С 1970-х годов эти общественно-политические акции стали делом престижа не только региональных университетов, но и местных партийных структур. С этого времени в программах славистических форумов появляются

темы, отражающие самые разные стороны регионального развития. В Черновцах главный доклад «Социалистические преобразования в Черновицкой области» был сделан секретарем Черновицкого обкома Компартии Украины.

Этот удачный опыт использовался и при организации ряда последующих форумов. В модель их проведения были внесены коррективы. В феврале 1978 г. первым на трибуну вышел секретарь Донецкого обкома Компартии Украины с докладом на тему «60 лет Великого Октября и социально-экономические преобразования в Донецкой области». Очевидно, что эта дата стала определяющей для участников. Кроме того, представители 26 университетов обсудили «100-летие национальной государственности славянских стран Балканского полуострова».

В 1970-е годы идеологическое давление на научную жизнь и историков сохранилось. В открывавших пленарные заседания докладах речь всегда шла о «дальнейшем повышении идейно-теоретического уровня в области славистики», о необходимости разработки проблем строительства социализма, разоблачения буржуазных фальсификаций. К этому времени стали уходить из жизни основоположники этих форумов, в оргкомитетах появлялись новые имена (Наумов Е.П., Созин И.В., Песчаный Д.Г.)

Самой многочисленной стала IX конференция в 1982 г. в Ужгороде. В опубликованном сборнике тезисов и докладов значатся 389 фамилий участников. «Узловые вопросы советского славяноведения» рассматривались «в свете решений XXVI съезда КПСС с акцентом на мировой революционный процесс и закономерности развития мировой социалистической системы»²¹. На X конференции в Харькове в 1985 г. 294 участника заслушали доклад представителя обкома Компартии Украины на тему «Социально-экономические и культурные достижения Харьковской области за последние годы». Еще одной темой пленарного выступления стала 40-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне. Кроме того, участники одной из секций обсуждали особенности «Народно-демократических революций и специфику развития славянских стран по пути социализма»²².

Менялась процедура формирования оргкомитета конференций. В Харькове он увеличился на треть и включал уже 27 человек. Потеряло свое бывшее значение университетское начало. Специфика работы высшей школы не рассматривалась на пленарном заседании. Она стала предметом обсуждения в 7-й секции «Методологические и методические проблемы преподавания истории южных и западных славян в высших учебных заведениях».

В 1988 г. на XI конференции в Минске в оргкомитет вошел 31 человек. Практически в нем были представлены все заведующие секторами Института славяноведения и балканистики АН СССР. Общей проблематикой, которая должна была объединить участников, стала тема «Великий Октябрь и зарубежные славянские страны». На этот раз «Проблемы изучения и преподавания истории и истории культуры южных и западных славян» рассматривались в 5-й секции. Состоялись три заседания, на которых были заслушаны 45 докладов и сообщений. Интерес к работе этой секции проявили представители 21 вуза страны. Именно на этой конференции общими усилиями московских и львовских университетских преподавателей с помощью Б.Н. Билунова удалось сохранить кафедру истории южных и западных славян Львовского университета.

²¹ Зеленин, Карасев 1982, 3–4.

²² X Всесоюзная научная конференция историков-славистов, 249 с.

Согласно отчету В.Г. Карасева, представленного на заседании кафедры ИЮЗС исторического факультета МГУ, программа совещания в Минске была «неизмеримо более удачная», чем в Харькове. Между тем его позиция о важности «простого человеческого общения между участниками из центра и периферии» вызвала возражения. Л.В. Горина подчеркнула, что членам оргкомитета пришлось в сжатые сроки, в сложных условиях редактировать большое количество тезисов докладов и выступлений. Г.Ф. Матвеев считал, что в работе секции, посвященной изучению военных действий в ходе Великой Отечественной войны, превалировали сообщения по отечественной истории, часто информативного характера. Было очевидно, что слишком мало вузовских специалистов занималось исследованием внутренней политики в славянских странах. Совещания утратили дискуссионный характер из-за чрезмерного присутствия сотрудников учреждений, лишь относительно причастных к славистике. Требовалось изменение формата для того, чтобы в тематических секциях велось обсуждение «специалистами по интересам» актуальной для них проблематики²³.

Следует признать, что выступления В.Г. Карасева и Г.Ф. Матвеева породили нешуточную дискуссию. На следующем заседании кафедры В.В. Владимирская заявила, что еще «ни одна конференция кадров не рождала», на них приезжает «готовый специалист», а «сборище на 200–300 человек» пользы не приносит. Изменить уже сложившееся положение можно было путем формирования «небольших секций», проведения «круглых столов», использования промежуточных форм в виде тематических симпозиумов. Совершенно неожиданно прозвучало предложение о создании лабораторий по социалистическим странам, поскольку с 1987 г. в стране официально работали лишь две кафедры со специализацией по славянам — в МГУ и Львовском университете. Между тем, В.Г. Карасев, в какой-то момент посчитавший своевременность появления таких подразделений в университетах, напомнил, что в основе замысла всесоюзных совещаний лежал «Общий курс по истории южных и западных славян», он и должен был оставаться объединяющим фактором историков-славистов²⁴.

Особое место по ряду причин занимает XII совещание в Москве в 1990 г. Во-первых, изменился гриф этого форума. Он проходил под эгидой трех организаций. Это были Государственный комитет СССР по народному образованию, Академия наук СССР и Московский государственный университет. Институт славяноведения и балканистики АН СССР в оргкомитете главным образом представляли не администраторы, а ученые. Р.П. Гришина, Т.М. Исламов, В.В. Марьина, Е.П. Наумов, М.А. Робинсон, И.В. Чуркина были авторами основных докладов. Что касается остальных членов оргкомитета, то они составляли костяк КК в 1980-е годы. Кроме того, в него вошли выпускники кафедры ИЮЗС, выросшие за последнее десятилетие, проявившие свои деловые качества и в определенной степени составлявшие ближний круг Виктора Георгиевича Карасева. Имеются в виду всеми любимые Н.И. Касаткин (Пермский ун-т), Ю.В. Костяшов (Калининградский ун-т), Ш.Д. Пиримкулов (Самаркандский ун-т) и др.

Этот форум был совершенно непохожим на все предыдущие встречи. На заседании кафедры ИЮЗС в феврале 1989 г. было решено совместить ее 50-летний юбилей с XII всесоюзной конференцией историков-славистов. Это была инициатива в том числе и заместителя проректора МГУ А.С. Орлова.

²³ АК ИЮЗС. Ф. II. Протоколы заседаний кафедры. Протокол № 7 от 4 февраля 1988.

²⁴ Там же. Протокол № 8. 23 февраля 1988 г. С. 3 об. — 6.

Основание для принятия такого варианта было весьма прозаично, бремя размещения гостей и участников совещания ложилось на плечи исторического факультета. Идея нашла поддержку и у директора Института славяноведения и балканистики АН СССР В.К. Волкова. Сразу же был предложен общий план торжеств.

В результате 25 января 1990 г. во второй поточной аудитории Главного корпуса МГУ состоялось открытие конференции. С докладом «50-летие кафедры истории южных и западных славян» выступил В.Г. Карасев. Последовали приветствия выпускников кафедры и представителей славистических центров страны. 26–27 января были заслушаны 142 доклада и сообщения. На первое пленарное заседание вынесли четыре доклада и 11 сообщений, в которых в разных ракурсах рассматривались основные проблемы преподавания истории славянских народов (периодов Средневековья, Нового времени, новейшей истории) и развития славистики в университетах страны, с учетом традиционного подхода и в духе времени. (И.М. Гранчак «Из опыта перестройки чтения курса истории славян в условиях перестройки»). Доклад Г.Ф. Матвеева «Освещение проблем новейшей истории в университетском курсе истории южных и западных славян» был дополнен сообщением Ю.В. Костяшова «О недостатках страноведческого подхода в освещении новейшей истории южных и западных славян». Ю.И. Курбатов затронул вопрос о содержании общего курса, а А.И. Митряев остановился на более узкой теме «Преподавание истории гуситского движения».

На втором пленарном заседании также были заслушаны четыре проблемных доклада и шесть сообщений. Так, доклад Ю.С. Новопашина «Приоритетные направления исследований в области новейшей истории в современных условиях» был дополнен выступлением Г.П. Мурашко и А.Ф. Носковой «О новых методологических подходах к изучению генезиса социализма» и Л. Зашкильняка «Об основных проблемах исследований послевоенной историографии зарубежных славянских стран». 27 января работали четыре проблемных секции с подсекциями и «круглый стол».

Если попытаться обобщить работу КК и соответственно кафедры, с которой она была неразрывно связана, то следует признать, что ее значение вышло далеко за рамки организации Всесоюзных совещаний/конференций историков-славистов. Это проявилось уже на форуме в Киеве в 1963 г. Многими ее участниками она рассматривалась не как общественный орган, а как структура, способная, если не заменить, то оказать давление на всю вертикаль власти, курирующую образование по такой специализации как история южных и западных славян в Советском Союзе. Ей предписывалось разработать выверенный перспективный план развития славяноведения в стране и тем самым стать «более авторитетной». В свою очередь уже непосредственно кафедре ИЮЗС рекомендовалось подготовить хотя бы небольшое пособие по истории культуры зарубежных славян. В таком случае оно могло стать основой для творчества преподавателей на местах. Кроме того, предлагалось разработать «программу-проспект», подчеркивающую роль коммунистических партий в новейшей истории и разъясняющую, как надо освещать послевоенный период в странах социалистического мира. Специальные методические указания следовало подготовить для вечерней и заочной форм обучения²⁵, добиться реальной синхронизации в преподавании истории Западной Европы и славянских народов, «изыскать все возможности и средства» для публикации материалов

²⁵ АК ИЮЗС. Ф. 10. Киев. Папка № 2. Заседание 22–23 октября 1963 г. С. 19–20.

совещаний. Также кафедра обязывалась разработать специальный план подготовки кадров высшей квалификации по славяноведению в стране. Помимо составления реестров актуальных тем и ученых, готовых ими заняться, что требовало больших организационных усилий, кафедре предстояло еще и создать условия для подготовки докторских диссертаций в региональных университетах. Это означало, что она должна была выступать своего рода поручителем состоятельности претендентов «на ученость» перед Минвузом СССР. За поручительством должно было стоять «организационное вмешательство в обеспечении» публикаций, заграничных командировок, длительного творческого отпуска для соискателей. Таким образом, КК являлась бы «второй матерью, а не злой мачехой», что явно находилось за рамками разумного. Но и этими пунктами не заканчивался список «пожеланий». Комиссии следовало бы обязать местные издательства «через министерство» издавать монографии претендентов на высокие ученые звания. Кроме того, как серьезное упущение в ее деятельности рассматривалось отсутствие просветительской работы. Этот пробел можно было ликвидировать, запланировав серию научно-популярных изданий по славянской тематике и «вмешавшись в планирование» серии «Жизнь замечательных людей». По всем этим пунктам кафедре нужно было «сказать свое слово». Показательно, что подготовку фильмов, также как и решение самого большого для преподавателей вопроса о заграничных командировках могла решить исключительно КК, якобы способная «оказать давление на союзное министерство»²⁶.

Характерно, что в ходе ряда совещаний можно было услышать заявления, что «московская кафедра» сделала далеко не все, что ожидалось, как для улучшения преподавания этой дисциплины, так и для координации славистических исследований. Зачастую кафедра рассматривалась как основная мобилизующая сила в работе не только КК и оргкомитетов готовившихся совещаний, но и в решении многочисленных проблем на местах. Создается впечатление, что, с точки зрения некоторых выступавших, кафедра представляла собой какое-то особое подразделение не только в структуре МГУ, но и Минвузе СССР, имевшее неограниченные возможности финансирования не только крупных научных проектов, но и ликвидации бед в образовании на местах.

Между тем огромная роль кафедры состояла уже в том, что она на протяжении 30 лет гарантировала плодотворное участие иногородних членов в работе КК. Благодаря самоотверженным усилиям²⁷, в первую очередь, огромному административному таланту И.А. Воронкова эта структура не стала мертворожденной. В 1970 г. был создан реестр историков страны, занимавшихся славистикой. Во многом по инициативе членов комиссии появились новые формы повышения квалификации, в том числе стажировки молодых ученых из региональных университетов на кафедре ИЮЗС и в Институте славяноведения АН СССР. Практическим воплощением запросов славистов из региональных университетов стало решение о создании журнала «Советское славяноведение».

²⁶ Там же. С. 21–25, 27–29.

²⁷ В какой-то мере иллюстрацией их вклада может быть письмо В.Г. Карасева вдове С.И. Сидельникова, в котором говорилось: «Степан Иванович был столпом нашего славяноведения, особенно в высшей школе. Простой, русский до мозга костей человек, не жалел ни сил, ни времени, ни здоровья во имя общего дела — воспитания нашей молодежи». См.: Москва 29 ноября 1977 г. АК ИЮЗС. Ф. В.Г. Карасев. Папка №33. Письма профессора Сидельникова В.Г. Карасеву из Харькова.

В середине 1970-х годов КК с достоинством вышла из сложной ситуации с нарастающей политизацией гуманитарных наук. Она нашла выход, по крайней мере, был согласован определенный механизм защиты от вульгарной идеологизации славистики. Этот механизм вполне успешно действовал вплоть до 90-х годов XX в.

Сложно дать объективную оценку вопросу о расширении географии участников совещаний. Привлечение ученых Института славяноведения и балканистики АН СССР, сотрудников республиканских академий было, безусловно, позитивным шагом в смысле усиления научной составляющей форумов. Нельзя не признать, что, начиная с совещания во Львове, «академики» в силу объективных обстоятельств стали определять характер пленарных заседаний. Эта уступка членов КК привела к тому, что задуманные в начале 1960-х годов научные межвузовские совещания историков-славистов утратили свое первоначальное назначение. Для академических сотрудников они стали трибуной, местом апробации их тем и проблематики, которой они занимались. С одной стороны, это была благородная цель, поскольку появилась реальная возможность «утолить» профессиональный, интеллектуальный и информационный голод у преподавательского сообщества. В то же время многие ученые, работавшие в высшей школе, не могли с ними конкурировать, большинству из них оставалось мечтать о «высокой науке», создании научных школ. Тот, кто вставал на этот путь, должен был вложить колоссальные усилия, чтобы реализовать свои амбиции. В значительной степени негативным оказался натиск представителей многочисленных структур, лишь косвенно принадлежавших пространству славистики, именно он привел к тому, что преподавательское сообщество зачастую оказывалось на втором плане в мероприятиях специально им адресованных.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АК ИЮЗС – Архив кафедры истории южных и западных славян
АН СССР – Академия наук СССР
ИЮЗС – история южных и западных славян
КК – Координационная комиссия
Минвуз СССР – Министерство высшего и среднего специального образования СССР
ЦК КПСС – Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

АК ИЮЗС. Ф. II. Протоколы заседаний кафедры.
АК ИЮЗС. Ф. X. Научная конференция историков-славистов. 6–10 февраля 1962 г. Москва.
АК ИЮЗС. Ф. 10. Киев. Папка № 1.
АК ИЮЗС. Ф. 10. Киев. Папка № 2.
АК ИЮЗС. Ф. 10. Киев. Папка № 4.
АК ИЮЗС. Ф. 10. Москва. Папка № 8.
АК ИЮЗС. Ф. 10. Москва. День 5-й. Папка № 9.
АК ИЮЗС. Ф. 10. Материалы КК по истории зарубежных славян.
АК ИЮЗС. Ф. В.Г. Карасев. Папка № 18.
АК ИЮЗС. Ф. В.Г. Карасев. Папка № 33.
X Всесоюзная научная конференция историков-славистов. 30 января – 1 февраля 1985 г. Тезисы докладов и сообщений. Харьков, 1985. 249 с.
Зеленин В.В., Карасев В.Г. Задачи историко-славистических исследований в свете решений XXVI съезда КПСС // Узловые вопросы советского славяноведения. Тезисы докладов и сообщений IX Всесоюзной научной конференции историков-славистов (21–23 сентября 1982 г.). Ужгород, 1982. С. 3–4.

Институт славяноведения Российской академии наук. III Всероссийское совещание славистов.
Москва 24–26 октября 2023 г. Справочное издание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Валев Л.Б. Болгарская историография (1945–1964) // Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки / отв. ред. И.С. Галкин. М.: Изд. Моск. ун-та, 1968. С. 392–400.
- Ненашева З.С. Его величество учебник: из истории кафедры южных и западных славян исторического факультета МГУ // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2022. № 5. С. 117–140.
- Ненашева З.С. Кафедра истории южных и западных славян МГУ и формирование модели проведения общесоюзных конференций историков-славистов (Москва, Киев: 1962–1963) // Историки-слависты МГУ. М.: Издатель Степаненко, 2023. Книга 16: Полвека служения кафедре славян. К 80-летию профессора Геннадия Филипповича Матвеева / отв. ред. Ю.А. Борисенко, З.С. Ненашева, А.Н. Литвинова. С. 320–341.

Рукопись поступила в редакцию 30.05.2024

Рукопись принята к печати 16.09.2024

REFERENCES

- Nenasheva Z.S. Jego velichestvo uchebnik: iz istorii kafedry iuzhnykh i zapadnykh slavian istoricheskogo fakul'teta MGU. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriia*. 2022, no. 5, pp. 117–140. (In Russ.)
- Nenasheva Z.S. Kafedra istorii iuzhnykh i zapadnykh slavian MGU i formirovanije modeli provedeniia obshchiesoiuznykh konferentsii istorikov-slavistov (Moskva, Kijev: 1962–1963). *Istoriki-slavisty MGU*. Moscow, Izdatel' Stepanenko Publ., 2023. Kniga 16: *Polveka sluzheniia kafedre slavian. K 80-letiiu professora Gennadiia Filippovicha Matvejeva* / отв. red. Iu.A. Borisenok, Z.S. Nenasheva, A.N. Litvinova, pp. 320–341. (in Russ.)
- Valev L.B. Bolgarskaia istoriografiia (1945–1964). *Istoriografiia novoi i noveishei istorii stran Jevropy i Ameriki*, отв. red. I.S. Galkin. Moscow, Izd. Mosk. un-ta Publ., 1968, pp. 392–400. (in Russ.)

Received on 30.05.2024

Accepted on 16.09.2024

Информация об авторе:

Ненашева Зоя Сергеевна

кандидат исторических наук, доцент
Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова
г. Москва, Российская Федерация
ORCID:0009-0000-6123-903X
E-mail: bonner2@yandex.ru

Information about the author:

Zoya S. Nenasheva

PhD (History), Associate Professor
Lomonosov Moscow State University
ORCID:0009-0000-6123-903X
E-mail: bonner2@yandex.ru